

Дорожные записки
Владимира Каганского,
при всей их содержательной
простоте и сюжетном однообразии
(«чужой в российской глубинке»),
кроме чисто литературной
занимательности, очень поучительны.

Почти всем нам не хватает
географического воображения.
Как мы себе представляем жизнь
людей далеко от наших городов?
В частности, о чём на самом деле они
мечтают и как говорят об этом?
И с кем?

ДОРОЖНОЕ

Владимир Каганский,

географ, методолог,
путешественник,
г. Москва,
kaganskyw@mail.ru

В контексте обсуждения темы
оснований для общения
и общительности автор
«Дорожного» возвращает нас к тому,
что взаимопонимание не всегда
достижимо даже при наличии, так
сказать, благой воли обеих сторон:
нужен ещё и общий язык, и общие
темы. Так просто ощутить себя
чужим в своей собственной стране.
Она больше, чем иногда кажется
потребителям новостей.

Юрвец, небольшой городок на правом берегу Волги, ниже Плёса и выше Нижнего Новгорода. 1995 год. Приватизация в разгаре. Лето (впрочем, в моих заметках почти всегда лето — лучше всего путешествовать: и световой день длиннее, и осадков мало, и ландшафт наиболее проходим и проезжаем, видна непосредственно, невооруженным глазом сама поверхность Земли; география-то — вся наука летняя и дневная). Городок — некогда, до революции цветущий и состоятельный — да какой же город на матушке-Волге не был торговым, купеческим, не цвёл, не был богат — просто вымирает. По пустынным улицам ветер несёт мусор. Все казённые здания требуют ремонта или хоть просто покраски; даже одноэтажные частные домишки — им-то что казённые здания — выглядят поникшими. А городок-то был красив, и рельеф отчётливый, селение в двух уровнях, как Плёс... Раннее утро, жду дальнего автобуса в Нижний Новгород, запас времени есть — водное пассажирское сообщение даже по Волге всё сокращается и сокращается, и грузового сейчас практически уже нет (а электроэнергии избыток — чем же тогда сейчас оправдать Волжские ГЭС, создавшие водохранилища, улучшившие-де условия судоходства (лишь для перегона военных судов и перевозки военных негабаритных грузов), но затопившие лучшие земли России?). На маленькой площади у автостанции молодежавый старик ищет пустые бутылки и сокрушается, что на деньги от одной сданной бутылки буханки хлеба, *«как при Советах, не купишь»*; но Советы он явно не жалуется, и очень — *«а за что их любить!?!»*. Но при том это был совсем не опустившийся человек, бедно, но аккуратно и чисто одетый, и взгляд твёрдый; не с похмелья. Конечно, поговорили; конечно, именно с такими вояжирующие москвичи не разговаривают; вот как раз и от этого тоже Москва не знает страны, и в частности, даже меры своего отторжения от страны. Запомнилось среди прочего следующее (севши в автобус, записал, пока он стоял): *«Да что эти бумажки, ваучеры (произносит правильно) выдумали? Не было ничего поровну и ведь и не делают поровну (как мы знаем официально, главной задачей приватизации было отнюдь не возвращение имущества страны, отнятого силой и обманом комму-*

нистической властью у всех её жителей, её населению и не легализация фактической и отчасти уже легитимизированной в народном сознании собственности, но «создание эффективного собственника»). *Вот у нас чужим фабрику продали (единственное градообразующее предприятие), они раскрали всё, продали станки куда-то, фабрику потом ещё продали и ещё, и ещё... И так фабрика встала, работы больше нет... Город чуть жив, одни бандинты живут (видимо, это именно они поздно вечером кутили в единственном на весь город кафе (впрочем, весь-то город я и не обошёл, но маленький центр, безусловно пообходил целиком) в подвале под местным судом (архив же суда выбросили, как мне сказали)... Надо было отдать фабрику своим, она ж их и была, кому-то-чье — мы ж знали, что чье, что директору, что главному инженеру, ещё там завцехом был толковый еврей, и ему пай побольше, на нём много держалось. Известно ведь каждому было, что кому дать. Они ж местные, не управились бы, мы ж на них-то бы управу нашли, и живут здесь, и вся родня».* Произносилось горько и устало. Потом мы покурили — каждый свои (моими не угостился), поматерились, пожалы руки и разошлись... Сколько я слышал такого горького народного либерализма...

* * *

Лето 1997 года. Гостиница в **Красноярске**, в центре, некогда лучшая из средних, но ныне в упадке и разрухе, частично и в ремонте, много номеров занято офисами (это вполне обычно). Но притом и недешёвая (локальная монополия, как почти везде в гостиничном деле нынешней РФ). Деньги-то ещё есть — путешествие только в самом начале (и на грант), но гостиница получше в самом центре вся занята, новая же хорошая частная гостиница — далеко, в лесу, на выезде из города, рассчитана на автомобилистов, а мне нужен самый центр города, близость речного вокзала (с него теперь ходят автобусы именно туда, куда прежде ходили речные суда, и они все в одном общем расписании), вокзалов, музеев, учреждений, да и сам город нужен, то есть центр города, в Красноярске это резко различается. Приходится остановиться. В воскресенье с раннего утра ломается унитаз, совсем,

он совершенно непригоден для использования. Дежурная раздражённо объясняет, что выходные, и сделать ничего нельзя: в гостиницах России — почти везде — в выходные ничего не чинят (лампочку не меняют) и часто даже и не убирают, впрочем, если остановишься на короткий срок — тем более не убирают. Давлю и давлению на дежурную. В ответ: *«Мужчина, Вы что, сюда срать приехали?»*

* * *

Лето 1998 года. **Калининградская область**, бывшая Восточная Пруссия. Еду, нанявши частника — относительно недорого — посмотреть западное побережье, по возможности подойти к знаменитому янтарному карьеру; побродил по нему и спо-

ДОРОЖНОЕ

койно вышел — в прорехи в ограде может въехать грузовик. Дороги узкие в обрамлении старых дубов, на современное движение уже не рассчитаны, тем более что в регионе много машин, стоили дёшево до дефолта, когда импорт при сильно завышенном курсе рубля был доступен многим. Небольшая пробка. Вышел из малолитражки размяться и наблюдал следующую сцену. Иномарка, за рулём сидит офицер, в форме, возле машины толстая женщина с ребёнком, солдат монголоидного облика всё колотит и колотит палкой по дереву, на котором в гнезде сидит аист, вопит ребёнок: *«Хочу, чтоб птичка полетела»...*

* * *

Весна 1999 года. Прилетаю поздно вечером в **Оренбург**; это крайне неудобно, но рейс-то только один; Москва очень слабо связана с Россией. Таксисты-частники берут до Орска — 300 км — и до собственно города — 30 км — почти одинаковые суммы; пассажиров не объединяют в компании, это — увы — обычно; искусственные «естественные монополии» — удел не только олигархов и государственных корпораций. Ну да ладно, доехал на случайном автобусе. По дороге (уже начало ночи) на освещённом бойком месте вижу кучку крупных, плечистых, плотных и даже толстых мужчин, увешанных разной амуницией, какими-то нагрудными знаками, ремнями, дубинками, папахами, ещё какими-то шнурами, в звенящих бляхах на пёстрой одежде. Ну вот, думаю, и здесь карнавал, ряженые — нет, это оказались такие «казаки». (Я и в Приморье видел «казаков» Уссурийского казачьего войска — хотя оно всё, целиком, до единого человека в своё время ушло через границу в Манчжурию, а дальние остатки его — просто были целиком уничтожены...) Неплохая новая гостиница «Оренбург», милая дежурная не требует ничего заполнять (обычно и до сих пор требуют, да и то бывает, что и в двух экземплярах, независимо от компьютеризованности), сама быстренько заносит все данные в компьютер (но какая же связь между правом воспользоваться платной услугой гостиницы и нигде не записанной обязанностью иметь с собою паспорт?). Увидев московскую прописку, восклицает: *«Я доллары не возьму — у нас доллары не ходят...»*.

* * *

Лето 2002 года. Патриархальнейшее вытянутое вдоль реки Агидель (Белая) и её притока на несколько километров многоуличное башкирское село **Старосубхангулово**, центр Бурзянского района Башкортостана. Подлинная, настоящая глубинка, реальнейшая внутренняя периферия — асфальт далее кончается, население сплошь местное, башкирское, русской речи совсем не слышно, самое настоящее село с деревянными избами-срубами (в таком срубе моя гостиница, редакция местной единственной газеты «Тан», мечеть и даже банк), все друг друга знают, по улицам

бродят коровы и куры (овцы тоже есть, но они далеко на пастбищах, а свиней, понятно, нет), дети со мною здороваются, явно ожидая ответа — и первыми словами, с какими ко мне обратился по-русски незнакомый человек, подвыпившая опустившаяся женщина — был вопрос: «Тебе баб надо? Разные есть».

* * *

То же самое село **Старосубхангулово**. Районная (городская, региональная) библиотека — ценнейший источник знаний о местности, даже — и о самом культурном ландшафте. Заведующая библиотекой — *обаширенная русская* (это термин, такие группы населения есть, они ведут общий с башкирами образ жизни в сельской местности и двуязычны) женщина лет под сорок, местная интеллигентка с большими и неудовлетворёнными духовными запросами. Поговорить всерьёз ей здесь просто не с кем, командировки в Уфу крайне редки и очень кратки, но потребность в содержательном общении огромна. После деловой беседы — она сообщила мне немало интересной информации (сидя на рабочем месте в рабочее время и ежеминутно отрываясь) — предлагала ей вечером просто поговорить уже о том, что ей интересно. Она загорается, благодарит, расцветает, умнеет и хорошеет кряду. И тут она с ужасом восклицает: «*Но ведь ко мне же придёт сегодня резать кабанчика!*» (В таких местах интеллигенция без собственного сельского хозяйства не выживает.) Однако я или такие, как я, появляются здесь куда реже, чем режут кабанчиков...

* * *

Шоссе вдоль восточного берега Сахалина. 1998 год. Остановившись в Южно-Сахалинске (здесь все зовут его Южный), путешествую несколько дней налегке по острову. На попутке возвращаюсь в Южный. Скромная, с виду шустрая японская машина (японка), крепкий самостоятельный человек за рулём, уверенно ведёт. Принимаю его за частного предпринимателя, но он оказывается офицером СОБРА в оперативной поездке; он, кстати, сразу определяет, где у меня тайная закладка денег (она зашита в укромном месте) и сколько примерно там денег. Спрашивает, кто я. Заводит разговор

о русских философах — он жадно читает Розанова, Бердяева, Флоренского, Вернадского и проч. — всех я не запомнил. Но вот поговорить об этом ему совсем не с кем — жена же от этой жизни от него ушла. Запомнилась мне одна фраза, и запомнилась точно, произнесена она была со вздохом: «*Очень я людей убивать не люблю*».

* * *

1998 год. Сахалин. Сделавши всё, что можно в Южно-Сахалинске (включая поездки по окрестностям и сложные маршруты с посещением Корсакова, Холмска, Невельска — поэзией это звучит для географа, не правда ли?), пересекаю Сахалин с юга на север по железной дороге до самих **Ногликов**; единственная в России (и бывшем СССР, и возможно во всём мире) узкоколейная железная дорога, по которой регулярно курсируют полноценные поезда со спальными купейными вагонами (дорога и поезда построены японцами). К упоминанию Ногликов в списке маршрутов путешествий в моей книге почему-то прицепился один мой рецензент, совсем уж на склоне лет только начавший вглядываться в Россию и ездить по ней — не поглядевши (не говорю уж — изучивши) как следует её географических карт. Да как же можно не знать Ногликов — даже если только тысячу мест в России знаешь (а знать их меньше — значит не знать России вовсе), их-то знаешь обязательно — всё же северный конечный пункт самой длинной в мире узкоколейной железной дороги! Но вот одно важное дело осталось у меня в Южном неделанным — я так и не потолковал с крупнейшим местным специалистом по коренным (малочисленным и вымирающим) народам, никак его не достал, ну никак. Еду в купе без попутчиков, от окна не отрываюсь, на столике — карта и дневник, пью чай, чай и чай (благо кипятков есть), мне бодрость и ясность нужна — такое пересечение только раз в жизни (а спал накануне мало и встал в полпятого). Чтоб ехать только днём, засветло, ночью в **Тымовске**. Утром опять сажусь в поезд, уже на другой (их только два), ищу купе посвободнее. Такое только одно, сидит один мужчина с огромным псом — и это именно мне нужный человек. Беседуем плотно — но начиная лишь с того самого

места, которое я уже не смогу увидеть в сумерках в окно на обратном пути, при возвращении из Ногликов (откуда я ещё успею проехать сколько можно на север вдоль ещё более узкой узкоколейки — 600 мм — до Горячих Ключей)...

* * *

Православный храм на окраине **Нового Изборска** (сознательно не поясню, где это — общеизвестно). 2005 год. Сижу на скамеечке после полевого маршрута, отдыхаю. Сделал переход от Старого Изборска со всякими отходами, заходами, зигзагами и разговорами по умирающей сельской местности. Тут же старое скромное кладбище. Тихо, тенисто, прекрасная древняя звонница (они появились раньше колоколен), изумительная асимметричная

ДОРОЖНОЕ

волнистая надвратная арка ограды храма (всё узнал из путеводителя) действительно хороша. Попил своей минеральной воды, пописал дневник, глядя на карту (атлас Псковской области хорош только тем, что в нём отдельно крупномасштабно даны все выдающиеся места). Подсаживается местная уютная старушка, ходила на кладбище. Тихий разговор о том, о сём, всё вполне разумно и здраво, она многое хорошо помнит — даже жизнь девочкой в Эстонии; этот край был в Эстонии между войнами — весь Печорский (Петсери) район (Печорский монастырь потому-то и уцелел) — и ясно всё рассказывает. Потом вдруг: «Да ты москвич?» — «Москвич». — «Бедные вы все там, у вас же там совсем переворот, власть другая,

а американцы взяли на ихний паспорт отпечатки рук. Ты уж им не давайся. Но уж мы-то им не дадимся».

* * *

2005 год. Медленный пригородный поезд из **Пыгалово** (это бывший — между войнами — латвийский уезд Абрене, но с преобладанием русского населения). В окно гляжу непрерывно — но ландшафт уныл, однообразен и скучен: мелколесье да заброшенные поля. Пожилые соседки (им лет примерно всего пятьдесят, то есть они мои ровесницы, но в Москве и России человеческое время течёт совсем по-разному) мешают мне своим громким разговором. Вынужденно прислушиваюсь и понимаю, что после долгого перерыва, после нескольких лет встретились две некогда приятельницы, да и жили рядом, и вроде даже и работали какое-то время вместе. Бурный разговор — кто, где, кто с кем, как да что, кто жив — кто умер, где что почём, мужья и дети. Наконец, совсем оживлённо — зятя. Одна с гордостью: «Хороший попался, ну такой хороший попался, хозяйственный, всё умеет, всё в дом тащит, всё для дома, дочку любит. Раз в командировку съездил — сразу квартиру купил. Иной раз съездил — всю обставил. Ещё раз поедет, Бог даст — наверно, машину купит. Да и дочери всё новое, и дочку ихнюю так любит». Что-то меня тут отвлекло, но довольно громкий разговор настиг опять. Я постепенно понял, что обсуждаемый зять — десантник (в Псковской области их целая дивизия), а в командировки он ездит в Чечню. Тут мне стало интересно, и я встрял, женщины откликнулись вполне спокойно.

— *Что, — спрашиваю, — такие командировочные большие?*

— *Да командировочные-то хорошие, наверно, не знаю я, но разве на них... Тут и подруга присоединяется, с мелким смешком.*

— *Что, трофеи берёт?*

— *Ну я-то не знаю, какие им там положены трофеи на войне, — говорит первая. — Ну ты вот сама посмотри, вот они в село, где эти там бандиты чёрные прячутся, вошли — вошли. Бандитов — ну понятно. Дома-то ихние заняли — заняли. Один-другой взорвали. Да тут они*

что хочешь дадут, чтоб им дома отдали...

* * *

Киров, всё ждущий возвращения имени Вятки, но по всему остающийся Кировом. 1996 год. Толкучка на железнодорожном вокзале у справочной, где ещё и какие-то билеты продают (или принимают, не помню). Никак не пробиться с пустяковым вопросом, всё и все отталкивают. Пытаюсь взять на голос — ничего. Наконец и сам проталкиваюсь и слышу: *«Ну куда ты прёшься, морда ты московская?»* Автоматически переспрашиваю — морда жидовская? Да это-то само собой, а московская — само собой. Свой вопрос на время забываю и отхожу; немедленно и точно вопрос о морде записываю в малый полевой дневник — он всегда при мне с карандашом, даже когда я всего лишь выхожу из гостиницы в шортах и футболке за сигаретами. Потом про морду московскую слышу не раз (московский говор сразу выдаёт в России москвича, как берлинский — жителя столицы в Германии). Часто к этому присовокупляются бранные словеса про московскую регистрацию.

* * *

Какое-то **село в Средней России**. Бывало такое не раз. Разговор со старушкой — стариков-то в сёлах уже почти нет, умерли все. Беседуем мирно, тихо, приятно. Рано или поздно заходит разговор о том, кто я да что, что делаю, откуда. Темы родителей и их (и моей) национальности не миновать. Всё говорю, правду — мать-де русская, отец-де еврей. *«Да, сынок, ты такой уважительный, хороший, солидный — да как же тебе не повезло-то...»*

* * *

Гостиница в **Томске**. Вечер. Как и всегда в это время, сижу, обрабатываю полевой дневник, поглядывая на карту области и города и сверяясь с малым полевым дневником (блокнот, носимый с собой прямо в кармане). Одновременно жду звонка новых знакомых. Милый женский голосок с характерными сибирскими интонациями вкрадчиво по телефону: *«Добрый вечер. Сервисная служба. Вам услуги девушек не нужны?»* — *«Спасибо, нет»*. — *«А москвичам у нас скидка...»*. И такое бывало не раз. В гостиницах

России, если не выключать вечером телефон — да не только вечером — непременно будут звонить проститутки.

* * *

Миасс, центр полуострова территории Челябинской области в Башкирии. После суверенного Башкортостана здесь просто бросается в глаза обилие частной рекламы — в Башкирии же только реклама полугосударственных (региональных) крупных корпораций вроде Башкирнефтепродукта. И вот перетяжка через главную осевую улицу, я даже зарисовал её в свой блокнот (он был всегда со мной наготове), воспроизвожу с подобием шрифта и указываю, что нижняя строка — ярко розового цвета:

КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА ЕГОЗА

* * *

Прекрасный историко-этнографический музей в **Уфе**. Большое главное здание с основной экспозицией, но есть ещё и целый блок кварталов в самом центре, оставшийся от музея В.И. Ленина; потому даже сохранили и восстановили целые кварталы конца XIX века. Музей интересен и содержателен (сотрудники, с которыми потом беседовал, ещё интереснее), но, как и всегда, карты могли бы быть лучше. Все экспонаты — великое обилие и разнообразие — ровно по теме музея. Почётное, центральное, несомненно, позиционно главное место в экспозиции занимает огромный цельнометаллический оплавленный метеорит...

* * *

Осень 2005 года. Въехали со знакомым в **Рыбинск**. Времени мало, дело к вечеру, город нам новый, схема движения не очень простая, мы на машине — стареньком, но бодром и ещё очень приличном с виду кадиллаке. Ищем уникальный музей Мологи — целого края, затопленного водохранилищем Рыбинской ГЭС; он явно где-то неподалёку. Спрашиваем, спрашиваем — никто не знает. Наконец спрашиваем у молоденьких смазливых девиц — молчат; отъезжаем и слышим: *«Мужички ещё вполне, да на х... им музей, если у них такая тачка?!?»*